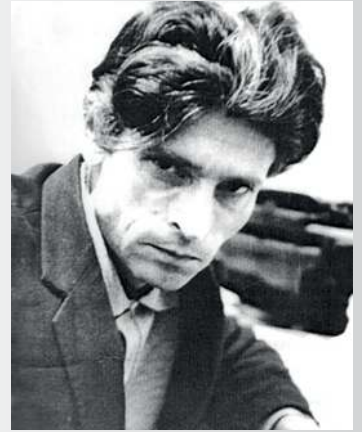

Николай ПЕРОВСКИЙ

Перовский Николай Михайлович (31.12.1934 – 13.09.2007) – поэт, прозаик. Автор более двадцати книг и множества публикаций в областных и центральных периодических изданиях. Член Союза писателей СССР с 1964 года. При жизни Николай Перовский не был удостоен правительственных наград и престижных литературных премий. Его награда – опубликованные книги и любовь читателей.

ОТРАЖЕНИЯ

Фантазия в форме венка сонетов

Роману Солнцеву

1.

Звезда взошла и смотрится в меня,
а я в неё, выцеживая строки,
собратья – добродетели-пороки
сгорают в тигле звездного огня.

Февраль. Одеты в саван зелены,
резвятся зимородки и сороки.
Природа на сносях – подходят сроки,
и снег окрашен небом – иссиня.

Весна с меня потребует оброк,
я не сторонник праздных подношений,
ей подарю не лавровый венок,
а свой венок сонетов предвесенний.

Звезда в меня, как в зеркало, глядится,
ее приют – небесная столица.

2.

Ее приют – небесная столица,
она в моем заброшенном углу,
продравшись сквозь космическую мглу,
красуется и пляшет, как актриса.

Её луча крутая биссектриса
с моим углом играет неспроста,
как в Зазеркалье девочка Алиса
с улыбкою чеширского кота.

Небесный луч владеет подсознанием,
вселяет в душу смертного кураж,
имея за плечами звездный стаж,
нетрудно снизойти к земным созданиям.

Друг друга отражают наши лица,
мой угол – острие земного мыса.

3.

Мой угол – острие земного мыса,
но каждая черта и каждый штрих
с пристрастием глядят в себя самих,
как в молодых монашек аббатиса.

Я для звезды подопытная крыса,
луч-скальпель, беспощаднее земных,
ворочается в тайниках моих
и заставляет грешника открыться.

А внешние и внутренние связи
с пучками встречных мыслей и лучей

то рвутся, то сливаются в экстазе
и пробивают русло, как ручей.

Вбираю блики звездного огня,
но мы по духу кровная родня.

4.

Но мы по духу кровная родня,
и, прежде, чем умру и стану глиной,
мне суждено проплыть перед витриной
созвездий, отражающих меня.

И я плыву, сомненья отстраняя:
так белая кувшинка дружит с тиной,
пресветлый угол храма с паутиной,
с Ахиллом бесполезная броня.

А за окном ни света, ни просвета,
метель берет на приступ города,
природа предъявляет право «вето»,
но будет час – взойдет моя звезда.

Она взойдет и вселится в меня,
лучами, точно струнами, звеня.

5.

Лучами, точно струнами, звеня,
играет солнце мартовской каплейю,
прощаемся с морозом и метелью,
предчувствием весны себя дразня.

Фантазия плетется, семена,
пора бы соблазниться и постелью,
не то, подобно тяжкому похмелью,
в душе отравя звездного огня.

В хрустальной вазе веточка мимозы,
букет сухих ромашек от Свапы,
стояли розы и увяли розы,
в наследство мне оставили шипы.

Мимоза пахнет чем-то изначальным,
не склонна к отношениям вербальным.

6.

Не склонна к отношениям вербальным,
в свое бессмертье верит красота,
она способна с чистого листа
искусственное сделать натуральным.

Все прописные истины банальны,
а все непрописные – без креста,
наш гордый дух – святая простота! –
склоняет к обязательствам кабальным.
Но где они, ключи или отмычки,
где право на мазок или строку,
которым луч звезды и пламя спички
даруют крест-костёр еретiku?!

Судьба глуха к мотивам пасторальным,
она горит костром исповедальным.

7.

Она горит костром исповедальным,
процеживает горы наших книг,
предпочитая непритворный стих
творениям монументальным.

Не претендую быть оригинальным,
не отвергаю истин прописных,
но, отдавая дань кострам астральным,
не грех земному помнить о земных.

Восходит солнце. По моей стене
гуляет зайчик, пойманный пространством,
ползет по мне, и мечется во мне,
и бередит мой дух непостоянством.

Луч солнца проникает вглубь меня,
пронзительными бликами дразня.

8.

Пронзительными бликами дразня,
бессонница, исполнена простраций,
в душе рождает цепь ассоциаций,
в глубины подсознания маня.

Но как бледна отдельная струна,
и если ей не вторят музы граций,
то лучшая из лучших вариаций
не может воспарить, коснувшись дна.

Природа мне даёт свои уроки,
и остаётся пара пустяков –
найти свои единственные строки
в содружестве шипов и лепестков.

Всему свои назначенные сроки,
законы мироздания жестоки.

9.

Законы мироздания жестоки.
Но есть в цепи ущербное звено,
где всё парадоксально смещено:
там дышат добродетелью пороки.

Там иноходь в галоп пускает строки,
там из плевел рождается зерно,
там судеб и времен веретено
нанизывает устья на истоки.

Там каждую весной живое ретро
воскресшего земного бытия
порывом ностальгического ветра
нас возвращает на круги своя.

Но всё проходит, молодость прошла,
для всех один устав, одна шкала.

10.

Для всех один устав, одна шкала.
Я не спешу к заутренней молитве,
душа чужда Божественной ловитве:
ни веры, ни безверья – смута, мгла...

Но солнце отрывает от стола,
и в бытовом, давно привычном ритме,
я доверяюсь зеркалу и бритве
и выхожу из пятого угла.

Спасительный бальзам житейской прозы,
когда бросаешь фишку на zero,
с благословенья музы и мимозы
я выношу помойное ведро.

А солнце золотит колокола.
Все сущее глядится в зеркала.

11.

Все сущее глядится в зеркала,
выискивая вещице приметы,
события и лица, и предметы
играют роль волшебного стекла.

С Пегасом, закусившим удила,
гарцуют соглядатаи-поэты,
не признавая нормы или сметы, –
им кажется, что в цель летит стрела.

В погоне за нездешним эталоном
они отвергли здешнюю тщету,
не зная, что в колчане Аполлона
все золотые стрелы на счету.

Их токи во всемирном кровотоке,
и всё из отраженья тянет соки.

12.

И всё из отраженья тянет соки:
зрачок сверлит зрачок, звезда – звезду,
вражда рождает новую вражду,
река вбирает в русла все притоки.

Когда судьба взимает с нас оброки,
горя презреньем к нашему труду,
нам стыдно выставлять свою нужду,
на вид мы сибариты-лежебоки...

Но разве нам неведома корысть?
В зеркальном отражении страданья –
нам чистит и одалживает кисть
Верховный Живописец мирозданья.

В мечте мы завораживаем Лету.
Плету цветок к цветку, сонет к сонету.

13.

Плету цветок к цветку, сонет к сонету,
и мой неканонический венок
то вольностью развенчивает слог,
то потакает разуму-эстету.

Пегас не подчиняется запрету,
летит и набирает потолок,
так день идёт к закату, ночь к рассвету,
наитие – природный оселок.

В хрустальной вазе от живых цветов,
их ароматов, абрисов и звонов –
осталась вязь иссохших лепестков
да жгутики скукоженных бутонов.

Послушная прощальному обету,
звезда передает мне эстафету.

14.

Звезда передает мне эстафету –
угасший луч небесного огня,

и я приемлю дар её, храня,
как нумизмат истертую монету.
Свою весну подталкивая к лету,
на высохшем асфальте ребягтя
играет в классы, скачет, гомоня,
наперекор зануде Гидромету.

И эти дети – наши отраженья,
в них прозреваем будущие мы
свои победы или пораженья,
свой звездный луч среди вселенской тьмы.

Едва дождавшись окончанья дня,
звезда взошла и смотрится в меня.

15.

Звезда взошла и смотрится в меня,
её приют – небесная столица,

мой угол – острие земного мыса,
но мы по духу кровная родня.

Лучами, точно струнами, звеня,
не склонна к отношениям вербальным,
она горит костром исповедальным,
пронзительными бликами дразня.

Законы мироздания жестоки,
для всех один устав, одна шкала,
всё сущее глядится в зеркала,
и всё из отраженья тянет соки.

Плету цветок к цветку, сонет к сонету,
звезда передаёт мне эстафету.

Вышла книга

«Поэзия Николая Перовского» — так называется монография В.К. Харченко вышедшая в Москве в издательстве «Инфра-М» (серия «Научная мысль»).

Автор книги Вера Константиновна Харченко — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, автор почти 700 научных работ.

В центре внимания исследователя особенности творчества Николая Перовского. Они рассматриваются в триаде: поэтические строки, стих в целом, творческий процесс. Анализируются богатство словаря, язык эмоции и множество других составляющих стиля. Подчёркивается языкотворческая и культуротворческая миссия поэзии. Поднимается вопрос о включении фрагментов из поэтического творчества Перовского в различные словари. Итогом анализа является комментированный перечень достижений поэта.

Книга будет интересна специалистам по языку художественного слова, а также писателям, журналистам, культурологам и всем, кто интересуется творчеством Николая Перовского.